

Варвара Жданова

Пространство триумфа

Образ Остапа Бендера и художественный контекст романа

И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»

- Кончится когда-нибудь этот «пир остроумия»?

И. Ильф

Почтенный председатель! Я напомним
О человеке, очень нам знакомом,
О том, чьи шутки, повести смешные,
Ответы острые и замечанья,
Столь едкие в их важности забавной,
Застольную беседу оживляли
И разгоняли мрак, который ныне
Зараза, гостя наша, насылает
На самые блестящие умы.

...Итак,

Я предлагаю выпить в его память
С веселым звоном рюмок, с восклицаньем,
Как будто б был он жив.

А.С. Пушкин «Пир во время чумы»

Остап Бендер – замечательно живое создание Ильфа и Петрова. Пушкин удивлялся, что его Татьяна оказалась замужем за генералом. Подобным образом, Остап Бендер неожиданно для авторов (они говорят об этом в воспоминаниях) вышел на передний план романа и, как будто бы, сам сотворил собственную судьбу.

В «Золотом теленке» Остап Бендер проходит через подобие духовного кризиса и внезапно чувствует возможность возрождения в любви к «нежной и удивительной» (эпитет, напомнивший о книгах Ю. Олеши) Зосе Синицкой.

« - Да, - ответил Остап, - я типичный Евгений Онегин, он же рыцарь, лишенный наследства советской властью.

- Ну, какой там рыцарь!»

Зося вышла замуж, конечно, не за старого генерала, а за положительного молодого советского человека (такие образы особенно не удаются Ильфу и Петрову).

В «Золотом теленке» Бендер собирает материалы о подпольном миллионере Корейко. Авторы, наверно, стремились провести «идеологически верную» мысль о том, что при других условиях авантюрист Бендер мог бы стать талантливым следователем. Но личность героя слишком яркая, «правильным» авторам не справиться с «бунтом индивидуальности».

Образ Остапа Бендера согрет авторской любовью, более того, они вкладывают в героя часть собственной души.

Летом 1928 года в Гаграх известный советский журналист Михаил Кольцов представил своему брату, художнику-карикатуристу Борису Ефимову, молодого писателя Евгения Петрова.

« - Знакомься, - сказал мне брат, - это Остап Бендер.

Высокий черноволосый молодой человек весело посмотрел на меня узкими, чуть раскосыми глазами.

- Михаил Ефимович шутит, - степенно сказал он, протягивая руку. – Петров моя фамилия».

« - А какая же, по вашему мнению, профессор, причина теперешней катастрофы?

- Какой катастрофы?

- Как, разве вы не читали, профессор? – удивился Бронский и вытащил из портфеля измятый лист газеты «Известия».

- Я не читаю газет, - ответил Персиков и насупился».

М. Булгаков «Роковые яйца»

По мнению исследователей, прототипом журналиста Альфреда Бронского из «Роковых яиц» послужил Евгений Петров. Бронский – по-американски практичный, врун, нахал, но личность, не лишенная поэзии, загадка, черт его знает, кто.

«Из-за спины Панкрата тотчас вынырнул молодой человек с гладко выбритым маслянистым лицом. Поражали вечно поднятые, словно у китайца, брови и под ними ни секунды не глядящие в глаза собеседнику агатовые глазки...

...Ботинки с носами, похожими на копыта...

Персиков окончательно потерялся... «Ну, тип. Ведь это черт знает что такое!»

Не случайно многие исследователи творчества Булгакова (О. Михайлов, Я. Лурье, Л. Яновская и другие известные литературоведы) параллельно обращались к творчеству Ильфа и Петрова.

М. Булгаков, Ю. Олеша, В. Катаев (старший брат Е. Петрова), И. Ильф и Е. Петров в начале 1920-х годов вместе работали в газете железнодорожников «Гудок», писали фельетоны. Булгаков, в отличие от своих младших коллег, тяготился газетной фельетонистикой, отнимающей силы от серьезной литературной работы.

Герой «Театрального романа» служит в газете «Вестник пароходства»:

«Всю жизнь служить в «Пароходстве»? Да вы смеетесь!

Всякую ночь я лежал, тараща глаза в тьму крошечную, и повторял – «это ужасно». Если бы меня спросили – что вы помните о времени работы в «Пароходстве»? – я с чистой совестью ответил бы – ничего.

Галоши грязные у вешалки, чья-то мокрая шапка с длиннейшими ушами на вешалке – и это все».

Репортер Персицкий – знающий, бойкий, честный, и вся деятельная редакция газеты «Станок» (название «Гудок» легко узнается), очевидно, были задуманы авторами «Двенадцати стульев», как противопоставление «пережиткам

прошлого». Положительный Персицкий, его двойники и варианты (в «Золотом теленке» число образцовых журналистов несообразно разрослось) не ожили, остались лишь «заявками на характер».

Влияние творчества Олеси, в частности, его романа «Зависть», с чудными метафорами и жаркой отповедью «мещанству», легко различимо в «Двенадцати стульях» и «Золотом теленке». В «Двенадцати стульях» можно вспомнить воображаемый разговор молодого поэта с только что купленным им матрасом, который угрожает своему владельцу экспансией быта. Наивный и непосредственный, этим отчаянно привлекательный, творческий мир Олеси, в то же время, оснащен логическими противоречиями, тупиками и ложными выходами.

При параллельном анализе с книгами Булгакова, творческий мир Ильфа и Петрова не только обретает дополнительную яркость, выпуклость и лаконичность, но распутываются пути нравственного поиска, предпринятого в «Двенадцати стульях» - романе, написанном как бы бисерным почерком.

Отметим, что нравственный поиск здесь есть, несмотря на едва появившуюся тенденцию дегуманизации юмора. Вспомним холодновато-отстраненное описание сумасшествия отца Федора.

Жизнь, как повод для газетной корреспонденции.

Заведующий столом регистрации смертей и браков, неразгаданный советский служащий, беглый предводитель дворянства, Ипполит Матвеевич Воробьянинов, записав имена незнакомой молодой четы «старушечьим почерком» «в толстые книги», поднялся «во весь свой прекрасный рост» и принял вид «необыкновенно торжественный», хотя и «несколько смешной».

« - ...Очень, оч-чень приятно видеть таких молодых людей, как вы, которые, держась за руки, идут к достижению вечных идеалов. Очень, оч-чень приятно!»

Роман «Двенадцать стульев», очевидно, должен был убедительно доказать несостоятельность старой культуры, составляющей душевный базис ее

носителей. По мнению авторов, неизбежен распад личности Воробьянинова (олицетворяющего светскую дворянскую культуру) и отца Федора (символизированное и окарикатуренное олицетворение деятельной духовной культуры).

С первых строк романа, в самом его сюжетном построении (город N, странствующий алчный авантюрист, картины окружающей жизни) нельзя не заметить влияние «Мертвых душ» Гоголя. Подобно «Повести о капитане Копейкине», отдельному рассказу, встроенному в «Мертвые души», в «Двенадцати стульях» появляется «Рассказ о гусаре-схимнике». Рассказывает Остап Бендер.

Рассказ Бендера сюжетно соответствует повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей». Внезапный уход светского молодого офицера в монастырь, стремление его постичь жизнь в монашестве.

В образе бендеровского графа Алексея Буланова соединяются подвергнутые глумлению характеры светских героев классической русской литературы. Более всего заметны черты графа Алексея Вронского (владельца «милрой» и «несчастной» лошади Фру-Фру) и разочарованного Евгения Онегина.

У графа Буланова есть любовница – светская дама. После ухода любовника в монастырь, она вместе с мужем принимает соболезнования. Едва ли, не кощунственное окарикатуривание «онегинской темы» - святая любовь Евгения к недоступной княгине Татьяне, до гроба верной мужу. А также низведение до лживого абсурда трагически-пронзительной сцены из «Анны Карениной», где перед постелью умирающей Анны примиряются граф Алексей Вронский и Алексей Александрович Каренин.

Бендеровскому монаху казалось, что он постиг смысл и счастье жизни. Прошла стороной революция. Прошли еще годы. И тут в гробу, который заменял отшельнику постель, появились вишневые клопы. Их нельзя было вывести ничем. Они замучили бывшего графа, и он вновь ушел в мир. Теперь он служит конюхом в коммунальном хозяйстве.

Подчеркнуто вишневый цвет клопов, а также «лошадиная фамилия» главного героя, позволяют заподозрить, что, с беспримерным чванством, обруган духовный поиск не только Льва Толстого, Пушкина, Гоголя, но и Чехова, с его неизбывной верой в завтра, в Россию, в вишневый сад.

Позвольте, но ведь не предлагаются новые пути, взамен перечеркнутых. Что же, реальны и нравственны только вишневые клопы, а остальное – только «старые формы»?

« - Рыцарь этот когда-то неудачно пошутил, - ответил Воланд, поворачивая к Маргарите свое лицо с тихо горящим глазом, - его каламбур, который он сочинил, разговаривая о свете и тьме, был не совсем хорош. И рыцарю пришлось после этого проштутить немного больше и дольше, нежели он предполагал. Но сегодня такая ночь, когда сводятся счета. Рыцарь свой счет оплатил и закрыл!»

М. Булгаков «Мастер и Маргарита»

Воланд говорит это о Коровьеве. Бендер тоже называет себя рыцарем, «лишенным наследства советской властью». Авторы «Двенадцати стульев» ставят советскую власть на место Бога, ведь Бендера должны были разжаловать небеса.

Бендер – не менее черт, чем Коровьев. Тогда его рассказ о гусаре-схимнике, сбивающий с толку, - чертова побасенка.

В «Мастере и Маргарите»:

«Продавщицу обуял смертельный ужас.

- Вы с ума сошли! – вскричала она, теряя свой румянец, - чек подавайте! Чек! – и она уронила конфетные щипцы.
- Душенька, милочка, красавица, - засипел Коровьев, переваливаясь через прилавок и подмигивая продавщице, - не при валюте мы сегодня... ну что ты поделаешь! Но, клянусь вам, в следующий же раз, и уж никак не позже понедельника, отдадим все чистоганом. Мы здесь недалеко, на Садовой, где пожар».

Сравним, в «Двенадцати стульях»:

«Коробейников ничего не понял. Он даже посмотрел на стол, не оставил ли гость денег там, но и на столе денег не было. Тогда архивариус очень тихо спросил:

- А деньги?
- Какие деньги? – сказал Остап, открывая дверь. – Вы, кажется, спросили про какие-то деньги?
- Да, как же! За мебель! За ордера!
- Голуба, - пропел Остап, - ей-богу, клянусь честью покойного батюшки. Рад душой, но нету, забыл взять с текущего счета».

В «московских главах» «Мастера и Маргариты» действие происходит в том же 1928 году, что и в «Двенадцати стульях». Сатирически описаны сходные социальные слои, а насмешливый демон (Остап Бендер в «Двенадцати стульях»), или целая «чертова шайка», провоцирует, искушает и воздаёт по заслугам.

Остап Бендер – черт сказочной народной традиции, «свой» черт, которого любят рисовать дети и пугаются толстосумы. Такой черт кардинально отличается от антихриста ученых-теософов.

Влияние «Мертвых душ» несомненно не только на построение «Двенадцати стульев», но и на центральный характер. При внешнем несходстве и внутренних отличиях, Бендера нельзя не сравнить с Чичиковым, что и делали ранее исследователи.

Известно, что образ Чичикова, пародийно демонического Чичикова, «Чичикова-антихриста», преемственен по отношению к Германну «Пиковой дамы».

«В образе Чичикова синтезируются персонажи, завещанные пушкинской традицией – светский романтический герой (вариант – денди) и разбойник. Причем уже Пушкин наметил возможность слияния этих образов в облике рыцаря наживы, стяжателя и демонического эгоиста Германна», - пишет Ю.М. Лотман в статье «Пушкин и «Повесть о капитане Копейкине».

Чичиков, как пушкинский Германн, тяготеет (у Гоголя параллель пародийна) к Наполеону и Мефистофелю.

У Бендера на груди татуировка – Наполеон с пивной кружкой. Бендер не чужд наполеоновских амбиций.

В сцене смерти тещи Ипполита Матвеевича, когда она открывает Воробьянинову секрет мгновенного обогащения, можно увидеть следы влияния «Пиковой дамы» - сцена смерти старухи-графини, владеющей тайной трех карт. Но Германна пока нет, он появляется позже, и эпизод проникновения в тайну повторяется, когда старый предводитель дворянства все поверяет Остапу Бендеру.

Образ Германна двоится: отец Федор узнал «тайну двенадцати стульев» от умирающей старухи и впоследствии сошел с ума в погоне за сокровищем. Отец Федор – пародийный Германн.

В «Бесприданнице» Островского - подобная же ситуация. Здесь Паратов – «демонический эгоист» и «рыцарь денег» - образ преемственный по отношению к пушкинскому Германну. С другой стороны – смешной Карандышев хочет быть рыцарем и разбойником, но не «дотягивает» до Германна, становится его пародией.

Карточная тема внезапно всплывает в «Золотом тельняшке» (вообще, этот роман «выбалтывает» многие секреты «Двенадцати стульев»). Бендер, истомленный видениями миллиона, упорно и поэтически сравнивается с карточным игроком.

Бендер – Мефистофель по отношению к Фаусту-Воробьянинову.

Кончились деньги. Остап Бендер убеждает Воробьянинова просить подаяние.

«- Как вам понравится этот альфонсизм? Три месяца живет на мой счет. Три месяца я кормлю его, пою и воспитываю... Считаю до пяти. Да или нет? Раз...

- Да, - пробормотал предводитель.

- В таком случае повторите заклинание».

О каком заклинании идет речь? Формально – о той жалостной фразе, с помощью которой Воробьянинов будет попрошайничать. Но фактически...

«Скажи, какие заклинанья

Имеют над тобою власть?

- Все хороши: на все призванья

Готов я как бы с неба пасть...

Явлюсь. Что делать – я служу,

Живу, кряхчу под вечным игом.

Как нянька бедная хожу

За вами – слушаю, гляжу.

А.С. Пушкин «Наброски к замыслу о Фаусте»

Черт только притворяется «бедной нянькой». Постепенно, так случилось с Воробьяниновым, черт прибирает к рукам душу своего подопечного.

В пушкинской «Сцене из Фауста» Мефистофель говорит:

...Как арлекина, из огня

Ты вызвал наконец меня.

Думается, что Ипполит Матвеевич действительно бессознательно и мимоходом произнес простейшее «заклинание», «вызвавшее» Бендера.

Теща умерла. Ипполит Матвеевич, сам не свой, бродит по улицам. Идея богатства медленно завладевает его душой. Его душа ожесточается и мертвеет. Следом за бывшим предводителем дворянства ходит гробовых дел мастер Безенчук.

Тут вспоминается гоголевское определение стяжателя: «С мертвецом внутри наместо сердца».

Воробьянинов решился. Он заказывает Безенчуку гроб и громко говорит: «Черт с тобой!»

И скоро черт является на призыв.

Мимо проезжает пожарная команда. Пожарная команда появляется в ключевые моменты развития сюжета «Двенадцати стульев». Это – вроде символа судьбы, как явление поезда в «Анне Карениной» и трамвая в «Мастере и Маргарите».

Пожарная команда снимает с кавказской вершины рехнувшегося отца Федора.

«...Он хлопал руками и пел лишенным приятности голосом:

И будешь ты царицей ми-и-и-и-ра,

Подр-р-руга ве-е-чная моя!

И суровый Кавказ многократно повторил слова М.Ю Лермонтова и музыку А. Рубинштейна».

Черты лермонтовского Демона тоже есть в облике Остапа Бендера, и поэтому, наверно, у него «черкесское лицо».

Остап Бендер склоняет Воробьянинова к нищенству. В мечтах Воробьянинов видит себя богачом, и родовая спесь не совсем еще угасла в нем, но на пути к сокровищам он вынужден обратиться в нищего, нуждающегося в людском милосердии.

В «Двенадцати стульях», как и в «Мастере и Маргарите», черт – не только провокатор и искуситель, но исполняет функцию возмездия.

Тема нестяжательства накрепко связывает «Двенадцать стульев» с русской литературной традицией. Чертова власть денег. Души мертвеют в погоне за богатством. Человек, из-за денег теряющий живую душу.

Бендер слышит о больших деньгах («Золотой теленок»):

«С лица Бендера мигом сошло все оживление. Лицо его сразу же затвердело...» Лицо командора «словно выбито на монете».

...Послушно, робко

Вползет окровавленное злодейство

И руку будет мне лизать, и в очи

Смотреть, в них знак моей читая воли.

А.С. Пушкин «Скупой рыцарь»

Что-то произошло с бывшим предводителем дворянства во время гонки за дьявольски привлекательным призраком богатства. Воробьянинов стал

подхалимом, озлился и кончил кровавым злодейством – убийством своего компаньона и друга Остапа Бендера.

В «Золотом теленке» появляется персонаж, интересный как вариация на тему характера Кисы Воробьянинова. Это смешной старичок Хворобьев.

Фамилия, наверно, производится от слова «хворь» (может быть, душевная) и похожа на воробьяниновскую. Старичок Хворобьев – монархист, теперь он пенсионер, отошел от всех дел, не понимает советскую власть и мечтает об одном: хотя бы во сне видеть обожаемого монарха и вообще картины старорежимного быта. Но видит он сны почему-то, из быта нового, коммунистического.

«Вскоре из домика послышался плачевный вой, и, пятась задом, как Борис Годунов в последнем акте оперы Мусоргского, на крыльцо вывалился старик.

- Чур меня, чур! Воскликнул он с шаляпинскими интонациями в голосе. –
Все тот же сон! А-а-а!»

Это, как бы, тот же Воробьянинов, душа которого отягчена убийством («...И мальчики кровавые в глазах»). Остап бендер отнесся к Хворобьеву со снисходительным участием. И вспоминая неудавшегося убийцу Кису Воробьянинова, он не таит зла. Неожиданное и привлекательное проявление гуманизма со стороны Остапа и его создателей.

В развитии темы денег Ильф и Петров обращаются к двум традиционно «опорным» пушкинским произведениям: «Пиковой даме» и «Скупому рыцарю».

Легко заметить, что роль Скупого Рыцаря в «Золотом теленке» играет миллионер Корейко. Он тайный, подпольный богач, как и Скупой Рыцарь, в подполье, в подвале, хранящий свои богатства.

У Пушкина в «Скупом рыцаре»:

Хочу себе сегодня пир устроить:
Зажгу свечу пред каждым сундуком,
И все их отопру, и стану сам
Средь них глядеть на блещущие груды.

В «Двенадцати стульях» типу Скупого Рыцаря соответствует образ старичка-архивариуса ростовщика Коробейникова.

«Золотые монеты он положил в ряд на столе и долго сидел, сонно глядя на пять светлых кружочков.

«И чего это их на воробьяниновскую мебель потянуло? – подумал он. – С ума посходили».

Коробейников, после ухода обманутого им отца Федора, как бы предсказывает его сумасшествие. Скупой Коробейников похож еще на Плюшкина из «Мертвых душ» (фамилию, видимо, варьировали, имея ввиду гоголевскую Коробочку).

Исследователями уже замечалось, что тайный «Союз меча и орала» - некая могущественная антисоветская организация, а по сути, кружок идиотов – «бывших людей» Старгорода, спаянный Остапом Бендером для выбивания денег из участников, являлся шаржированным воспроизведением провинциального круга «бесов» из одноименного знаменитого романа Достоевского.

Бендер («Остап прошелся по комнате, как барс...») играет роль рокового красавца и демона Ставрогина. Пародия получилась не только смешной, но привлекательной своей жизнелюбивой интонацией.

Здесь нет «поиска врага». Потому что разве можно считать старгородских старорежимных дураков и нэпманов серьезной силой, угрожающей существованию советской власти? Государство на высоте – «Союз меча и орала» сам придет сдаваться, а и не пришли бы – ну и пусть себе забавляются! Особенно уморительно - распределение между собой ключевых постов в городе на случай падения большевиков, тайное голосование и борьба амбиций.

«Золотой теленок» по времени написания отделяет от «Двенадцати стульев» всего несколько лет. Но от конца двадцатых к началу тридцатых в

отечественном государственном управлении произошли перемены.

Тоталитарная власть укреплялась и начинались, во многом, параноидальные компании поиска внутренних врагов-диверсантов.

Верующие в советскую власть авторы «Золотого тельца» внесли в роман новую, неприятную, мертвенную интонацию «шпиономании». Идеальный строй новой книги упрощается и схематизируется. Подпольный миллионер Корейко – серьезный и сильный враг, который, умело замаскировавшись, ждет наступления капитализма. А пока, при пособничестве отдельных руководителей (надо бы их изловить) подрывает производство, тайно накапливая богатство.

Удачные сатирические портреты делают «Золотой тельца» замечательным произведением. Среди них избирательно назовем претенциозного бездельника Васисуалия Лоханкина, который сам себя считает русским интеллигентом и правдолюбом, но ведь читатель может считать иначе! Это даже не пародия на интеллигента, это указание на душевную слабость, аморфность, бездеятельность, пустые фантазии, которые мешают становлению, как говорил Булгаков, «новой, железной интеллигенции».

По отношению к русской классической литературе авторы «Двенадцати стульев» находятся в диапазоне от насмешливой почтительности, до вызова (и полусознательного ожидания возмездия).

Но бывает –

жизнь

встает в другом разрезе,

и большое

понимаешь

через ерунду.

Нами

Лирика

В ШТЫКИ

неоднократно атакована,

ищем речи

точной и нагой.

Но поэзия –

пресволочнейшая штуковина:

существует –

и не в зуб ногой.

В стихотворении Маяковского «Юбилейное» (1924) – монологе автора перед памятником Пушкину – та же интонация – насмешливая почтительность, вызов, ожидание возмездия.

Думается, «Юбилейное» сыграло не меньшую роль в отечественной культуре, чем, в свое время, знаменитая речь Достоевского на открытии памятника Пушкину (творчество Пушкина, как «пророчество» и «указание»).

В «Юбилейном» - противоречивые чувства, охватившие страстную и искреннюю натуру поэта, выливаются в путаной, но горячей исповеди. Автор тайно мучается чувством вины: когда-то он пытался с прочим старьем сбросить Пушкина с пьедестала.

Как представляется, скорее всего, бессознательно «Юбилейное», во многом, восходит к сцене из пушкинского «Каменного гостя», где преступный Дон Гуан, некогда убивший командора, приглашает его статую зайти к себе в дом. В доме командора Дон Гуан назначил свидание его вдове – Донне Анне. Командору предлагается встать на часах. Как известно, «Каменный гость» кончается сценой возмездия за кощунственный вызов – статуя командора (каменный гость) является в назначенное время к дрожащему Дон Гуану.

«Юбилейное» сыграло огромную роль в сознании современников и отозвалось в ряде литературных произведений. В частности, «Мастере и Маргарите» (разговор поэта-неудачника Рюхина перед памятником Пушкину на Тверском бульваре) и «Двенадцати стульях».

В живой натуре Остапа Бендера соединяются функции вызова и возмездия. Остап - одновременно кощунствующий Дон Гуан и наказующий командор.

Командором зовется Остап Бендер в «Золотом теленке». В позднейших воспоминаниях В.П. Катаева «Алмазный мой венец» Маяковский выведен под прозвищем «Командор».

«Командором ордена русских писателей» назвал Пушкина Л.Н. Толстой. «Когда командора нашего ордена писателей пристрелили», - писал Булгаков в одном из писем...

В «Юбилейном» прочерчена линия судьбы, по которой автору выпадает место, подобное командору-Пушкину:

После смерти

нам

стоять почти что рядом...

Как же происходит это превращение в каменного командора?

В финале «Каменного гостя»:

«Статуя

Дай руку.

Дон Гуан

Вот она... о тяжело

Пожатье каменной его десницы...»

В начале «Юбилейного»:

Александр Сергеевич,

разрешите представиться:

Маяковский,

Дайте руку!

Вот грудная клетка.

Слушайте-

уже не стук, а стон...

Мятущаяся и страдающая поэтическая душа. Страдания могут уничтожить слабого человека, превратить его в больного шута, ничтожество, отребье

человеческого рода. Но поэтическая душа может и окаменеть от страданий, превратиться в монумент.

Остап Бендер, созданный Ильфом и Птровым, видимо, из таких натур, каменеющих в жизненных бурях.

Бендер любит подчеркивать: «Мой папа был турецко подданный».

Пушкин любил говорить, что его прадед – африканец, арап Петра Великого, вывезенный русским царем арапчонок Абрам (Ибрагим) Ганнибал. Под именем Ибрагима прадед выведен Пушкиным в незаконченном романе.

Единственный раз Остапа церемонно называет по имени-отчеству Паниковский: «Остап Ибрагимович».

История сватовства «Остапа Ибрагимовича» и Зоси Синицкой – это, почти, отсылка к истории женитьбы пушкинского Ибрагима на русской боярышне. Бендер оказывается слишком черен – не лицом, а душой.

В пушкинском незаконченном отрывке (1824):

Как жениться задумал царский арап,
Меж боярынь арап похаживает,
На боярышень арап поглядывает.
Что выбрал арап себе сударушку,
Черный ворон белую лебедушку.
А как он, арап, чернешенек,
А она-то, душа, белешенька.

Вызов и ожидание возмездия – настроение героев пушкинского «Пира во время чумы».

Быть веселым и счастливым – принцип Остапа Бендера (видимо, совпадающий с принципами авторов «Двенадцати стульев»). Вызывающее веселье. Веселье несмотря ни на что. Веселье, несмотря на страдания. Несмотря на свои страдания, или – на чужие?

Здесь только шаг до морального преступления. Авторы бессознательно чувствуют это, и тень пушкинского «Пира во время чумы» незримо витает над романом. Странен город N с его похоронными конторами и парикмахерскими, Старгород – с «бывшими людьми», живыми мертвецами и лихорадочные коммунистические праздники.

Гробовых дел мастер Безенчук прослышал (слух, конечно, ложный), что в Москве – эпидемия. Гробовщик вместе со своим товаром прибывает в Москву, где неожиданно сталкивается с Воробьяниновым и Бендером.

« - Эпидемия. Мне Прусис сказал, что в Москве гриб свирепствует, что хоронить людей не в чем...

Поезд давно уже унес и concessionеров, и театр Колумба, и прочую публику, а Безенчук все еще ошалело стоял над своими гробами. В наступившей темноте его глаза горели желтым неугасимым огнем».

Булгаковские «Роковые яйца» написаны в 1925 году, но события фантастической повести происходят в 1928. Настроение вызывающего веселья, в которое погрузилась «американизированная» республика, оказывается «пиром во время чумы». В республике идет «куриный мор», а нашествие гигантских тропических «гадов» - новая большая беда, не учтенная «идеологией локального благополучия и веселья».

Последняя глава булгаковской повести называется «Морозный бог на машине». Как в средневековых мистериях, Бог появляется в конце действия и чудесным образом наводит порядок, вернув все «на круги своя».

Гробовых дел мастер Безенчук ожидает смерти тещи Ипполита Матвеевича, но опасается конкуренции частной фирмы «Нимфа», также промышленяющей в городе. В пушкинском «Гробовщике» Адриан Прохоров «надеялся выместить убыток на старой купчихе Трюхиной, которая уже около года находилась при смерти. Но Трюхина умирала на Разгуляе, и Прохоров боялся, чтоб ее наследники, несмотря на свое обещание, не поленились послать за ним в такую даль и не сторговались бы с ближайшим подрядчиком».

« - У меня гроб – огурчик, отборный, любительский...

- Ты что же это, с ума сошел? – кротко спросил Ипполит Матвеевич и двинулся к выходу. – Обалдеешь ты среди гробов».

Здесь вспомним страшный сон-видение пушкинского гробовщика, когда на его зов явились клиенты-мертвецы. Пушкинский мотив «Гробовщика», появившийся в начале «Двенадцати стульев» так важен, потому что сам сатирический роман построен на контрасте живого и мертвого, нарождающегося и отжившего. Прославление нарождающейся жизни и презрение к «мертвечине» («ненавижу всяческую мертвечину», как говорит Маяковский в «Юбилейном»).

...О, если б из могилы

Прийти я мог, сторожевою тенью

Сидеть на сундуке и от живых

Сокровища мои хранить, как ныне!..

А.С. Пушкин «Скупой рыцарь»

Авторы «Двенадцати стульев» стремятся к низложению мертвого мира богатства. В новом живом мире много радости, чистоты и света.

Жизнеутверждение, вера в человека, ориентировка на преодоление препятствий (не замечать трудностей!), на жизненную стойкость – самые привлекательные черты романа, обеспечившие ему преданную любовь читателей на долгие, долгие годы.

Приложение.

В качестве приложения публикуется стихотворение В. Ждановой «Однажды», имеющее идейно-художественные соответствия по отношению к статье.

Однажды

Допустим,
Вы посвятили жизнь
Изучению творчества
Некоего великого писателя.
Тщательно разбирали его книги:
Систему персонажей,
Общность сюжетных коллизий
И прочее.
С позиций ученого
Входили даже в его семейные дразги
И оценивали ссоры с женой.
И вот выяснилось,
С неопровержимостью,
Однажды...
(Господи,
Поддержи,
Если придет это
"Однажды",
Всех прилежных и скромных
Историков-богословов)
...Что образ великого писателя -
Мистификация.
Его просто не было.

Он был выдуман,
А книги собраны, как мозаика.
Ваш мир распадается.
Сидя на траве,
Растеряно перебирая
Желтые гривки одуванчиков,
Вы бессмысленно повторяете:
"Что же это? Как же это?"
А цветущая яблоня успокоительно шепчет:
"Ничего, как-нибудь. Все-таки - весна..."

Once

Suppose
You've spent your life
The study of creativity
Some of the great writer.
Carefully analyzed his book:
System of characters,
The commonality of plot conflicts
And so on.
From the standpoint of a scientist
Included even in his family squabbles
And been evaluated by a quarrel with his wife.
And here it turned out
With cogency,
One day...
(Lord,
Support,
If it comes

"One day",
All diligent and modest
Historians and theologians)
...That the image of the great writer
Hoax.
It just wasn't there.
He was fictional,
And the books are assembled like a mosaic.
Your world is falling apart.
Sitting on the grass,
Squandered fingering
Yellow corollas of dandelions,
You senselessly repeat:
"What is it? How can this be?"
And Apple blossom soothing whispers:
"Nothing, somehow. Still - spring..."

